

— Сейчас тебе лучше как следует отдохнуть. Завтра утром всё останется позади, хорошо?

Хэй Миньюэ смотрела на Ханьчэ с небывалой нежностью. Такое выражение лица привело её подчиненных и прислугу в полное оцепенение. С чего бы это их глава стала такой мягкой? Раньше одного её холодного взгляда хватало, чтобы морально уничтожить человека, а теперь, столкнувшись с её заботой, все чувствовали себя крайне неловко.

— Угу, — я слегка кивнул, соглашаясь с её решением. Быть может, если я выплусь, всё изменится. А может, всё это лишь сон, и завтра, проснувшись, я снова увижу Чжо Аочэня рядом...

— Дядюшка Ван, отведите юного господина отдохнуть! — увидев, что Ханьчэ кивнул, Хэй Миньюэ поспешно отдала приказ, словно боясь, что он передумает. Проводив его взглядом, она холодно оглядела присутствующих и равнодушно произнесла: — Советую вам поменьше болтать и побольше работать. Чтобы юный господин ни в чём не знал нужды. Все газеты и журналы соберите и уберите туда, где он их не найдет. Я не хочу, чтобы он видел какие-либо новости из раздела развлечений, понимаете?

Чжо Аочэнь — публичная личность, и Ханьчэ ни в коем случае не должен видеть никаких сообщений о нём, иначе он снова будет страдать.

— Слушаемся, госпожа! — никто из присутствующих не посмел возразить, опасаясь, что любое промедление обернется жестоким наказанием.

— Хорошо, возвращайтесь к своим обязанностям, — взмахнув рукой, она добавила: — Мит, вы, несколько человек, пройдите за мной в кабинет.

— Слушаемся, госпожа!

Войдя в кабинет, Хэй Миньюэ перестала скрывать свою холодную ауру. Окинув собравшихся суровым взглядом, она произнесла:

— Выясните всё, что касается Мин Яна, особенно с кем он контактировал в последнее время. Я хочу знать всё в мельчайших деталях! — в её глазах мелькнула жестокость. Она ни за что не простит тех, кто пытался навредить Ханьчэ, кем бы они ни были.

— Слушаемся, госпожа! — подавленные безжалостностью Хэй Миньюэ, никто из них не осмелился даже заикнуться о возражениях.

— Отлично. Через три дня я хочу видеть результаты вашего расследования, — не давая им передышки, она отдала новый приказ. В деловом мире ценятся быстрота, жесткость и точность, и эти правила применимы везде.

— Есть!

— Можете идти, — она закрыла глаза, отпуская их. Слушая затихающие шаги, Хэй Минъюэ внезапно открыла глаза и окликнула последнего: — Мит, подожди-ка.

Когда все вышли, золотоволосый зеленоглазый Мит тихо закрыл дверь и сел в кресло перед рабочим столом, с улыбкой спросив:

— Глава, какие будут указания?

— Я не хочу, чтобы кто-то ещё искал информацию о Мин Яне, и уж тем более не хочу, чтобы кто-то его беспокоил. — Слова звучали тихо, но весили невероятно много. Она хотела отрезать Ханьчэ от всего прошлого, чтобы он начал жизнь с чистого листа и стал достойным наследником Темной Империи. В её взгляде промелькнула угроза: — Знаешь, что нужно делать?

— Разумеется, это просто! — Мит был уверен, что справится с поручением, но в душе затаилось маленькое беспокойство. Поразмыслив, он спросил: — Глава, не боитесь ли вы, что юный господин почувствует... э-э... что вы его слишком сильно опекаете?

Сначала он хотел сказать, что она переходит границы, но тут же осёкся, понимая, что это её разозлит, и подыскал более мягкие слова.

— Это... — после его слов Хэй Минъюэ на миг усомнилась, не слишком ли она сурова. Но, подумав, решила: если тот человек действительно любит её брата, он всё равно его найдет, а она лишь слегка добавит терний на его пути — ничего страшного. Она спокойно ответила: — Просто делай, как я сказала. А что касается реакции Яна — это моя проблема, тебя не касается.

— Да, да, конечно, я понял. — Не солоно хлебавши, Мит поспешил удалиться, боясь, что, если задержится хоть на минуту, она разнесет его в пух и прах.

В кабинете воцарилась тишина. Минъюэ откинулась на спинку кресла, закрыла глаза и погрузилась в мысли. Когда-то она думала, что никогда больше не найдет брата, а теперь нашла, но всё равно не покидало чувство, что он здесь ненадолго. Эх, интересно, все ли старшие сестры чувствуют подобное? Говорят, дочерей трудно удержать в родительском доме, а у неё — брат, которого не удержишь.

— Нет... нет... ха...

Всю ночь я метался, не в силах уснуть. Когда небо начало светлеть, я почувствовал легкую

усталость, но и во сне не было покоя. То мне снилось, что Чжо Аочэнь смотрит на меня с безграничной ненавистью, то — его решительно удаляющаяся спина. Я пытался догнать его, умолял, но Чжо Аочэнь не желал меня прощать. Он даже обнимал другого мужчину, лица которого я не мог разглядеть, и насмешливо бросил мне, что раз я его не люблю, то вокруг полно желающих, и он уж точно не останется в одиночестве...

— Ян, с тобой всё в порядке?

В эту ночь Хэй Миньюэ тоже не спала, но, в отличие от Ханьчэ, из-за радости. Проснувшись, она хотела проверить, встал ли брат, и никак не ожидала услышать его громкие крики. Не раздумывая, она вбежала в комнату и увидела, что Ханьчэ сидит на кровати, невидящим взглядом уставившись в пространство. Весь его вид был пропитан печалью и безысходностью.

— Почему? Ради чего всё это? — не заметив её появления, я погрузился в собственные мысли, бормоча в пустоту: — Почему судьба свела нас, но не дала нам остаться вместе? Почему...

— Мин Ян! — она в один прыжок оказалась у кровати и впилась пальцами в мои плечи, не давая дальше терзать себя мыслями. Хэй Миньюэ не могла без боли смотреть на него в таком состоянии: он выглядел таким потерянным и хрупким, что казалось, одно неосторожное движение — и он просто исчезнет.

— Я так хочу ребенка... ребенка, который принадлежал бы только нам с Чжо Аочэнем. Но... ребенок... он не сможет стать наследником его карьеры... — я продолжал бормотать, не чувствуя, как она пытается меня остановить. Говоря это, я не сдержал слёз. Я так отчаянно хотел ребенка, нашего общего, но это была лишь фантазия, несбыточная мечта, которой никогда не суждено осуществиться...

— Мин Ян, очнись! Слышишь, приди в себя! Не говори этого, не думай об этом! — она изо всех сил трясла меня. Страх в её душе разрастался: она до смерти боялась, что брат погрызнет в этих мыслях и в конце концов сойдет с ума.

Я открыл глаза, полные слёз, и посмотрел на человека, что был так похож на меня. И вдруг я почувствовал такую сильную зависть. Почему она женщина, а я — мужчина? Почему мы не можем поменяться полом? В голове мелькнула безумная мысль. Как утопающий, хватющийся за соломинку, я вцепился в её плечи и лихорадочно заговорил:

— Сестра, сестренка, помоги мне, пожалуйста! Ты... ты могла бы родить ребенка от Чжо Аочэня, а потом отдать его мне? Сестра, пожалуйста?

— Ян, ты с ума сошел? Как ты можешь говорить такое? — она округлила глаза, не в силах поверить услышанному. Её брат только что предложил ей соблазнить другого мужчину и родить ребенка! Разве это не величайшая нелепость в мире?

— А... — громкий окрик вернул меня в реальность. Я не понимал, что именно так её разозлило,

поэтому лишь понурил голову: — Прости, я был неправ. Прости, пожалуйста, я не нарочно, я ошибся...

— Ладно, ладно, — поняв, что их мысли движутся в совершенно разных направлениях, Хэй Миньюэ с глубокой жалостью обняла меня за плечи: — Тише, Мин Ян, не думай об этом. Ни о чем не думай. Просто поспи. Всё, что случилось, сестра уладит. Тебе нужно только быть в порядке, понимаешь?

— Ни о чем не думать? — я эхом повторил её слова и поднял голову. В груди всё закипело. Как я могу не думать? Как я могу спать? Моё сердце, все мои мысли принадлежат Чжо Аочэню. Как мне забыть, как перестать скучать и винить себя? Разве что если моё сознание угаснет, только тогда я смогу перестать... — Кха!

— Ян, что с тобой? Не пугай сестру! Ян... — Хэй Миньюэ, всегда сильная и холодная, при виде того, как брат изрыгает кровь, обмякла. Я безвольно повалился на кровать. Ярко-алая кровь на белых простынях, контрастирующая с невероятной красотой Ханьчэ, выглядела пугающе и в то же время эстетично, как кровавая романтика. Она больше не могла сдерживать страх и, теряя самообладание, взревела: — Кто-нибудь, зовите врача! Скорее!

В мгновение ока вся вилла пришла в движение: суматошные шаги, шум заводящихся машин, тревожные звонки, крики людей. Хэй Миньюэ не было дела до всего этого. Сейчас её волновал только брат, лежащий на кровати. Он не может умереть, она не допустит никакой беды...

— Госпожа Хэй, с вашим братом ничего серьезного. Ему просто нужен покой в течение нескольких дней.

Красивый мужчина с золотыми волосами и фиолетовыми глазами, тщательно осмотрев Ханьчэ, сообщил результат встревоженной женщине. Однако по мимолетному удивлению в его взгляде и тому, как глубоко он смотрел на Хэй Миньюэ, можно было понять, что он испытывает к ней нечто большее, чем просто профессиональный интерес.

— Правда? — она не то чтобы не доверяла его мастерству, но вид крови, которую только что выплюнул Ханьчэ, напугал её до смерти. Как она могла успокоиться?

— Конечно! — в глазах красавца мелькнул гнев от того, что его профессионализм поставили под сомнение, но тут же погас. В конце концов, он ведь любил её.

— Дядюшка Ван, присмотрите за Мин Яном, я скоро вернусь. — Поручив заботу о брате, Хэй Миньюэ наконец посмотрела на мужчину: — Ланс, пройдем в кабинет. У меня есть к тебе вопрос.

— Слушаюсь!

Ради Миньюэ медицинский гений Ланс Брут приложил немало усилий в учебе. Разумеется, в процессе он влюбился в этот древний восточный язык, полный тайн, так что теперь он стал почти китаеведом. Вот только... достучаться до сердца возлюбленной ему всё никак не удавалось, что приводило его в отчаяние.

Едва войдя в кабинет, не дожидаясь, пока Ланс заговорит, Хэй Миньюэ прямо спросила:

— Ланс, есть ли способ, чтобы двое мужчин завели собственного ребенка без участия женской утробы? Ты можешь это сделать?

— Это... — Ланс был ошеломлен её вопросом. Он никак не ожидал, что у неё возникнут столь шокирующие мысли, и засомневался, стоит ли отвечать.

— Ты — медицинский гений, твои познания безграничны. Я знаю, что ты найдешь способ, — увидев его колебания, Миньюэ сначала похвалила его, а затем обольстительно улыбнулась: — Конечно, если ты не можешь, думаю, всегда найдутся те, кто сможет, верно?

— Зачем ты спрашиваешь? — Ланс понимал, что в спорах с ней он всегда проигрывает, поэтому решил не ходить вокруг да около: — С влиянием и богатством твоей Темной Империи мало вещей в мире, которые могли бы тебя затруднить. И к тому же, ты ведь не мужчина, зачем тебе беспокоить других, если хочешь ребенка?

— Просто ответь, можешь или нет? — она приподняла бровь, бросив на него равнодушный взгляд, в котором читалась недвусмысленная угроза.

— Дай мне полгода — и я сделаю!

Если бы такое утверждение прозвучало из уст кого-то другого, Хэй Миньюэ непременно усомнилась бы, но в Лансе она была более уверена. Она слегка кивнула:

— Хорошо. Какая поддержка и условия тебе нужны? — в этом мире нет ничего бесплатного, и для неё это правило работает всегда.

— Любые условия?

— Разумеется! — не задумываясь, ответила Хэй Миньюэ, глядя ему в глаза. Она уже догадывалась, что он попросит.

— А если я попрошу тебя? — без колебаний Ланс озвучил то, что давно вынашивал в сердце. Можно назвать это использованием чужой беды или шантажом, но разве кто-то отказался бы от предложенного лакомства, когда можно добиться любви всей жизни?

— Что именно ты хочешь?

— Хочу, чтобы ты вышла за меня замуж и родила мне детей! — выпалив это, он тут же спохватился, что перегнул палку: — Конечно, если ты не согласна, я всё равно постараюсь тебе помочь!

— Выйти замуж?

Она насмешливо улыбнулась. Она никогда не задумывалась об этом. Управление огромной корпорацией уже отнимало все силы. Наследник семьи Хэй должен быть ребенком её брата. Раз он не может полюбить женщину, но хочет ребенка, связанного с ним кровными узами, она непременно поможет ему — это единственная причина, по которой она обратилась к Лансу.

— Да, брак!

Ланс был убежден: лучший способ получить любимого человека — это добиться его, а потом продолжать любить, пока смерть не разлучит их. Только так можно доказать свою любовь. Время расставит всё по местам. Он верил, что любит Миньюэ не меньше любого другого, но ему нужно время и возможность это доказать.

— Брак исключен, — к Лансу она питала некоторую симпатию, но в мире брака нельзя построить союз на шантаже или принуждении. По крайней мере, нужно, чтобы она его полюбила, тогда она сама согласится. Сейчас любви нет, так что даже ради брата она не станет идти на уступки. Она верила, что брат её поймет. Увидев, что лицо Ланса помрачнело, она поспешно добавила: — Но... я готова попробовать принять тебя. Я согласна даже стать твоей любовницей и родить ребенка. Что же касается брака? Это произойдет только тогда, когда я полюблю тебя. А если нет — даже если ты передумаешь, я не соглашусь!

Умея управлять такой огромной империей, она, конечно, владела своими методами. Миньюэ была уверена, что её слова тронули его сердце. В конце концов, он любил её, а она ставила любовь как условие. Он несомненно согласится. В её глазах промелькнул расчет, и она невозмутимо стала ждать, пока он попадет в расставленные сети.

— ... — Нельзя жениться, значит, он не сможет открыто владеть ею. Ланс был раздосадован: почему она такая неуступчивая? Столько лет он крутился возле неё, заботился, ездил по самым известным медицинским институтам мира, изучая технологии спасения жизни — всё ради неё. Но... любить её — значит принять её целиком. Он тяжело вздохнул и, стиснув зубы, выпалил: — Ладно, нет проблем!

В комнате, где до этого слышалось лишь дыхание двух людей, внезапно заработал принтер. Дождавшись окончания печати, Миньюэ подошла, взяла документ и вернулась к Лансу. Равнодушно произнесла:

— Раз мы достигли соглашения, будь добр, подпиши.

— Что за документ? — взяв его в руки и прочитав заголовок, он побледнел. В центре листа значилось: «Соглашение любовников». Ниже мелкими буквами: главное условие — если он действительно сможет сделать так, чтобы двое мужчин получили кровнородного ребенка, тогда они станут любовниками. Если нет — всё это пустые слова. Второе условие: он не имеет права под любым предлогом вынуждать или шантажировать Миньюэ браком, всё должно быть добровольно, иначе отношения будут расторгнуты. Далее... наконец... Что это за бред? Ланс в ярости посмотрел на Миньюэ: — Что это за чертовщина? Что всё это значит?

Единственное, что он сейчас чувствовал — это то, что Миньюэ растоптала его искренние чувства, она ему не доверяет!

— Что значит? Ты читать не умеешь? — Миньюэ взглянула на документ, напечатанный на трех языках — китайском, английском и французском. Её ничуть не заботил его гнев, она была предельно спокойна. За исключением дел, касающихся брата, она никогда в жизни не позволяла эмоциям брать верх над разумом. Только так она могла составить столь странное соглашение. — Условия в этом документе защищают нас обоих. Я не вижу здесь ни одного пункта, который ущемлял бы твои интересы. В конце концов, даже если сделка не состоится, мы останемся друзьями — это мой жизненный принцип. Подписывай.

Она протянула ему перьевую ручку, а сама быстро поставила свою подпись на втором экземпляре.

Видя, что она без колебаний подписывает документ, Ланс едва не сломал дорогую ручку. Он чувствовал себя шустрым зайцем, попавшим в ловушку, расставленную охотником. Он кое-как накарябал свою подпись, отдал документ Миньюэ, забрал её экземпляр и в порыве гнева швырнул ручку в стену, бессильно рухнув в кресло. Он был зол — зол на то, что Миньюэ не понимает его сердца, и еще больше зол на самого себя, потому что не мог отказать ей ни в чем...

Наблюдая за столь ребяческим поведением Ланса, Миньюэ прикрыла рот рукой, чтобы не рассмеяться. Сложив документы, она подошла к нему, развернулась и элегантно опустилась к нему на колени, обвив руками его шею. Она заглянула ему в глаза и тихо рассмеялась:

— Ну что, раз подписали, чего злиться? Давай лучше скрепим печатью...

— Печатью? — совершенно не понимая смысла её слов, Ланс одурел от того, что Миньюэ сама прыгнула к нему в объятия, и мысли его улетели куда-то за тридевять земель.

— Чтобы отпраздновать то, что мы скоро станем любовниками, конечно, нужно...

Дальнейшие слова потонули в их близости. Поцелуй, который позволил ей получить желаемый результат — она считала это выгодным обменом. И лишь она сама знала, насколько глубокий смысл скрывался в её глазах.

Обыскав все места, где мог бы быть Ханьчэ, они так и не нашли никаких следов. Он словно капля воды, упавшая в море, исчез бесследно, не оставив ни звука, ни свидетелей...

Изнуренный Чжо Аочэнь бросил пиджак на пол и бессильно повалился на диван в гостиной. Перед глазами плыл силуэт Ханьчэ. Ему казалось, будто он снова видит, как тот сидит рядом, улыбаясь, но стоило протянуть руку, чтобы заключить его в объятия, как оказывалось, что он схватил лишь пустоту!

<http://bllate.org/book/21153/2144348>